

СТАТЬИ

Чл.-корр. АН СССР Н. К. Пиксанов

ПУШКИН И НАРОД

I

Когда Лев Толстой хотел определить положение, откуда он наблюдал и осмыслял жизнь, он сказал: «Я смотрю снизу, от 100 миллионов». Снизу, от ста миллионов, это значит — от трудового народа.

Дума о народе одушевляла писательский подвиг Радищева в XVIII в. В 1841 г. Белинский писал: «Высочайшая похвала, какой только может в наши дни удостоиться поэт, самый громкий титул, каким только могут почтить его современники или потомки, состоит в слове: «народный поэт». Позднее Тургенев добавил: «Вне народности нет ни художества, ни истины, ни жизни — ничего нет».

Так следует нам понимать и Пушкина, великого народного поэта. Грандиозно, необозримо творчество Пушкина. Богатства его образов, идей, настроений, картин таковы, что могут подавлять читателя, могут закрывать от него первооснову, перводвигатель пушкинского мировоззрения и искусства.

Но первооснова именно такова: народ, народность.

Ведь, именно о народе думал Пушкин, когда, близко к смерти, подводил итоги своему творчеству:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.

Поэт услаждал себя надеждой, что вся великая многонародная и многоязычная Русь будет знать и называть его.

В заслугу себе поэт ставил:

И долго буду тем любезен я народу;
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу...

Еще на заре своей светлой юности Пушкин был охвачен мыслями о народе. Ведь это было время Отечественной войны 1812—1815 гг. Мимо Лицея тогда проходили войска, отправляясь на войну; Пушкин сам мечтал вступить в ряды воинов, чему, разумеется, препятствовал юношеский возраст.

Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас.

Он с патриотическим восторгом наблюдал, как

России двинулись сыны,
Восстал и стар и млад;

Летят на дерзновенных,
Сердца их мщением зажжены.
...Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья.
(«Воспоминания в Царском Селе», 1834.)

Перед юным, но чутким сознанием поэта постепенно раскрывался глубокий смысл Двенадцатого года: величие патриотического подвига русского народа, крепостного крестьянства, освобождающего родину от наполеоновского нашествия, отстаивающего свободу и независимость страны.

Позднее смысл народного подвига раскрылся еще глубже. В 1831 г. Пушкин указал «клеветникам России» не только на то, что

На развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы —

т. е. Наполеона, но также и то, что

...в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир...

Пушкин никогда не забывал, что именно русский народ был освободителем Европы от наполеоновской тирании, что его самоотверженная и победоносная борьба содействовала народно-освободительным движениям на Западе в позднейшие годы.

От преклонения перед народным подвигом Двенадцатого года идут горячие думы Пушкина о родном народе, о народном благе, о долге перед народом, о борьбе с врагами народной свободы. Пушкин пронес эти думы через всю жизнь. Понятие свободы стало раскрываться перед ним в тройственном своем значении: национальном, политическом и социальном. С неотвратимостью возникал вывод: народ, освободивший от внешнего врага родину, требует освобождения от крепостного рабства.

Но следом за тем раскрылась другая связь: уничтожение крепостного права немисливо без уничтожения самодержавия. В 1822 г. Пушкин писал: «Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян».

Отсюда вырастает, еще в лицейские годы, ненависть к царизму, острый интерес к истории французской революции, культ гражданской свободы, надежды на насильственный политический переворот.

Только глубоким влиянием народно-освободительной войны 1812 г. объясняется социально-политическая зрелость гражданской лирики Пушкина-лицеиста. В 1815 г. шестнадцатилетний юноша создает изумительное стихотворение-памфлет «Лицинию», которым на целых пять лет опережает прославленное стихотворение Рыльева «Временщику» (1820). Как и Рылеев, Пушкин обличает временщика, но вместе с тем дает сатирическое изображение раболепствующей перед ним столицы.

Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Как ликторов полки народ несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мещут взгляд;
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья...

И юноша-поэт обращается с гневным укором к римскому обществу и народу, имея в виду русское общество, которое не могло быть названо собственным именем по цензурным соображениям:

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкий страх?

Так перед социально-политическим сознанием юного поэта-гражданина вырастает проблема взаимоотношений между властью и народом. Она будет поставлена во всей остроте через десять лет, в трагедии «Борис Годунов». А в десятилетие перед этим вместились многие наблюдения Пушкина над жизнью русского народа, размышления о нем и возникающие отсюда художественные образы.

Какой напряженной была эта работа, обнаруживается в знаменитом стихотворении 1819 г. «Деревня». Сколько бы раз мы ни перечитывали его, никогда не перестанет поражать сила изображений и чувств, вложенных в эти строки:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

2

Мысли о «рабстве тощем» тем ужаснее для поэта, что он знает во всей полноте, сколько высоких достоинств ума, сердца, воли таит в себе народ. Нельзя без волнения читать обращение поэта к крепостной няне:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

Любовно, с поразительным сердечным проникновением изображена другая няня — в «Онегине». Все помнят тот эпизод, когда Татьяна Ларина пишет письмо Онегину и когда раскрывается сердечная история дворянской девушки. Но не все усваивают другую сердечную историю, изложенную Пушкиным здесь же, историю крепостной девушки, которая стала няней Татьяны и на расспросы барышни рассказывает скупыми словами о своей печальной судьбе:

«И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слышали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь».
«Да как же ты венчалась, няня?»
«Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала от страха;
Мне с плачем косу расплели

Да с пенем в церковь повели.
И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...» —

Татьяна не слушала няню. Поглощенная заботой о письме к Онегину, барышня прерывает Филиппьевну в ее попытке вновь вспомнить старину:

Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоём уме?

Так и остается недосказанной и недослушанной история няни...

Было проявлением благородного гуманизма, было демократической смелостью со стороны поэта — сопоставить Таню и Филиппьевну. Было актом не только художественной интуиции, но и морального проникновения — вложить в уста крепостной старухи такие душевные, сердечные речи:

О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!

А ведь Филиппьевна могла бы «ожесточиться, очерстветь», просто — отупеть в своей крепостной неволе.

Мы как-то недооцениваем этого высокого достижения художественной и нравственной правды.

Недооценённым, даже безвестным, остается и еще один образ, созданный Пушкиным: образ крестьянки-сказительницы Пахомовны, одаренной народной поэтессы. О ней с благодарностью вспоминают ее односельчане:

Мастерица ведь была,
И откуда что брала...
Слушать, так душе страдно —
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
(„Свят Иван, как пить мы станем“.)

Здесь мы приходим к народной поэзии. Народное поэтическое творчество, перед которым преклонялся Пушкин, которое он собирал и изучал всю жизнь, обогатило поэта, а через него и всю русскую литературу, также и музыку, и живопись, щедрыми дарами поэтического языка, образности, сюжетов, юмора, сатиры, сильных и глубоких чувств. Через народную поэзию, а также через непосредственное и постоянное общение с русским народом в разных областях страны Пушкин овладевал неисчерпаемыми богатствами народной речи.

Не только для художественной литературы, но и для государственной жизни, для всей национальной культуры имело великое значение то, что Пушкин явился основоположником нового русского литературного языка. И вот надо запомнить, что эта великая реформа национального языка была совершена Пушкиным на основе живой народной речи, народной поэзии. Пушкин не уставал проповедывать: «разговорный язык простого народа» — «достойн глубочайших исследований», «изучение народных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка». К русским писателям Пушкин обращался с одушевленным призывом: «Вслушайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах». В другом случае: «что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». «Ах, боже мой, чуть не забыл!» — пишет Пушкин брату Льву, — «вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории».

Пушкин с гордостью и убеждением проповедывал: «Предания русские ничуть не уступают фантастической поэзии и преданиям ирландским и германским».

Когда Пушкин, преодолевая обветшалые традиции классицизма и романтизма, приходил к постановке великой проблемы художественного реализма, он опирался на мысли о народе — о достоинствах народной поэзии, о самом служении искусства народному благу. Пушкин требовал, чтобы новая реалистическая литература глубоко освоила простоту и правдивость живой народной речи и народной поэзии. Перед словесным искусством, в частности — драматическими произведениями, Пушкин ставит смелую и высокую задачу: приблизиться к народным массам. Пушкин рассуждал (в 1830 г.): «народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом была призвана в аристократическое общество... Мы захотели бы придворную сумароковскую трагедию низвести на площадь». Но — «как ей перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? — как ей вдруг отстать от подобострастия... где, у кого выучиться наречию, понятному народу? какие суть страсти сего народа?...»

В своем новаторском, самобытном, реалистическом творчестве Пушкин явил гениальные достижения народной драмы, народной литературы.

Для великого поэта народная речь и народная поэзия были не только явлениями литературными, эстетическими, но и явлениями этического, нравственного значения: они раскрывали душу народа, его национальный характер, то есть то существенное, что необходимо было Пушкину как мыслителю, как политическому деятелю, как писателю для осознания исторического развития народа и его будущего. «Есть образ мыслей и чувствований, — писал он в 1826 г., — есть тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Следует признать, что и сам Пушкин, в высоких проявлениях своей личности, был лучшим представителем русского национального характера — «в очищенной красоте», как сказал Гоголь.

3

Законом творчества Пушкина была органическая связь с жизнью, жизнью государственной, национальной, общественной, народной.

Как негодную ветошь следует отбросить потуги литературоведов-книжников и формалистов объяснить развитие пушкинского творчества из тогдашних споров о классицизме, сентиментализме, романтизме, реализме, из «западных влияний» и т. д.

Пушкин гениально умел слушать жизнь, слушать революцию. Перед ним волновалось великое море народной жизни.

Мы должны помнить мудрое указание Ленина, что следом за войной за национальную свободу поднимается иная война, война за социальное освобождение.¹ Еще в 1812 г., в Пензенской губернии, ополченцы, отнюдь, не отказываясь от борьбы с Наполеоном, устранили, однако, офицеров и избрали полковника из своей среды. С 1813 по 1825 г. произошло 540 крестьянских волнений. В 1818—1820 годах возникли волнения на Дону, в Екатеринославской губернии; ими было охвачено более 45 тысяч крестьян; Пушкин был свидетелем Екатеринославского восстания. В 1820 г. в самой военной столице, в Петербурге, вспыхнуло восста-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. IX, стр. 280—281.

ние Семеновского полка. В прокламациях восставших солдат писалось о «всесильных и гордых дворянах», о них и о царе говорилось: «тиран тирана защищает», царя и дворян предлагалось взять «под крепкую стражу».

И вот, когда мы хотим осмыслить закономерность развития народно-реалистического творчества Пушкина, надо учитывать не мелкие тогдашние кружковые споры, не книжные «влияния», а именно эти грозные сигналы глубокой социальной войны.

Пушкин слушал жизнь, слушал революцию как у себя на родине, так и на Западе. С величайшим вниманием он следил за тогдашней борьбой народов Запада с политическим и социальным насилием. В 1820 г. он говорил: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский — тоже; не трудно расчесть, чья сторона возьмет верх». В тот момент Пушкин был полон надежд на победу народов. Но они не оправдались: силы реакции временно взяли верх над освободительными движениями народов Запада. И в родной стране Пушкин видел, как стихийные, неорганизованные крестьянские восстания подавлялись одно за другим. Пушкин тяжело переживал эти катастрофы. Как он сказал в одном стихотворении, его нередко тогда охватывала «тоска внезапная».

Но Пушкин не впадал в пессимизм. Он верил в будущее, в окончательную победу свободы. В 1825 г. в стихотворении «Андрей Шенье» Пушкин так говорит о свободе:

Скрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут.
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им...

Пушкин был полон исторического оптимизма. И следует понять, что этот оптимизм опирался на непоколебимую веру в силу и в будущее русского народа. Противопоставляя Пушкина «скорбнику» Байрону, Герцен писал: «Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, которой человек Запада уже лишился».

Пушкин умел учиться у жизни, у истории.

Еще за несколько лет до 14 декабря 1825 г. он уже был скептически настроен относительно осуществимости в России политического переворота силами военного заговора, без участия народа — так, как это подготавливалось в декабристских организациях. Отсюда начинается отход Пушкина от заговорщицкой политики декабристов — как и от их романтической поэтики.

Вырастала огромная идеологическая и творческая проблема: отрешаясь от романтической отвлеченности и ограниченности — в предельной полноте и глубине понять и реалистически изобразить подлинного человека и народ, в их объективном бытии и развитии, в их статике и динамике.

4

Первым крупным произведением новаторского реалистического творчества Пушкина стала трагедия «Борис Годунов», где Пушкин ставит проблему закономерностей, каким подчинена историческая жизнь народа и государства. Он чутко воспринимает сложность, антагонистичность социально-политических сил и отношений. Он понимает их как социальную борьбу. Он видит зависимость человека от социально-исто-

рических сил. Пушкин вновь и еще глубже ставит огромную проблему взаимоотношений власти и народа; народу он уделяет огромное внимание.

Пушкин выдвигает «мятежность» народа. Он в полную меру оценивает социально-историческое значение недавнего закрепощения народа (отмену «Юрьева дня»). Он предугадывает ту народную «потеху», какая отсюда может возникнуть.

«Борис Годунов» знаменует начало восхождения Пушкина к вершинам реализма. В 1827 г. Пушкин пишет «Арапа Петра Великого». Следует устранить ходячий предрассудок, будто героем этой неоконченной повести является Ганнибал. Нет, героем задуман Пушкиным сын мятежного стрельца, «волченоч», опасный для русского боярства. О стрельцах же Пушкин думал примерно так же, как писал в 1832 г. декабрист А. А. Бестужев: «Эпоха великих характеров. Это великаны старинной Руси... Это бой на смерть! Стрельцы!... громкое имя... в них замерла последняя народность».

В 1830 г. писалась «История села Горюхина» — красноречивая уже одним своим заглавием картина крестьянского разорения, нарисованная с горьким юмором. В 1832 г. написан «Дубровский», памятный по изображению социальной ненависти крестьянства к помещикам и чиновничеству. В 1833 г. Пушкин начинает писать «Капитанскую дочку», в 1834— «Историю Пугачева»; в ноябре 1836 г., т. е. близко к смерти Пушкина, «Капитанская дочка» печатается. В 1835 г. Пушкин пишет «Сцены из рыцарских времен» — пьесу, которую так высоко оценил Чернышевский.

В «Дубровском», в «Капитанской дочке», в «Истории Пугачева», в «Сценах из рыцарских времен» Пушкиным владеет прежде всего мысль о насильственной борьбе народа, крестьянства, против социального угнетения, мысль о народной революции. Характерно, что писатели-декабристы не изображали восстаний крестьянства; Рылеев в своих исторических «Думах» не коснулся ни Разина, ни Пугачева. А вот Пушкин считал Разина «единственным поэтическим лицом в русской истории». Про Пугачева он написал замечательные строки: «весь черный народ был за Пугачева... одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». По справедливому слову А. А. Фадеева, «Пушкин увидел в Емельяне Пугачеве крупного деятеля, показав его обаятельным, и сделал его единственным носителем справедливого начала».

Задержу внимание читателей на «Сценах из рыцарских времен», — поскольку в пушкиноведении высказано было совершенно ошибочное суждение, будто в этом незаконченном произведении нет «применений» к русской современности (Д. П. Якубович). Напротив, они там есть, больше того: весь замысел этой социально-исторической драмы вырос из размышлений Пушкина о судьбах русского народа. Понятно, однако, что Пушкин как мыслитель высокого уровня не мог не сопоставлять историю русского народа с судьбами народа на Западе. Отсюда его интерес к истории феодализма.

И вот, в «Сценах из рыцарских времен» Пушкин противопоставляет два мира: рыцарей-феодалов и их закабаленных «вассалов»-крестьян, с организатором попытки восстания, Францем. Рыцари грубы, некультурны, высокомерны, безжалостны и жестоки. Франц одарен, мужествен, горд. В пьесе Пушкин изобразил сражение, когда под ударами крестьян «все рыцари падают один за другим; вассалы бьют их дубинами, косами». Крестьяне: «Наша взяла!.. Кровопийцы! разбойники! гордецы поганые! теперь вы в наших руках...» Один из рыцарей: «Это

бунт — подлый народ бьет рыцарей». Другой: «И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей — смотрите: один, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужас!».

«Сцены из рыцарских времен» писались Пушкиным после «Истории Пугачева» и накануне печатания «Капитанской дочки». Все три произведения проникнуты одной мыслью: о народном восстании.

Было бы исторической ошибкой, незаконным «улучшением истории», если бы мы попытались придать Пушкину значение идеолога крестьянской революции. Социально-политические воззрения Пушкина, современника и соратника декабристов, несут в себе неизбежные исторические ограничения. Еще Белинский указывал такие ограничения в «Онегине». Проблема народа — труднейшая проблема, и нам известно, какие ошибки допускал в решении ее Лев Толстой — спустя много лет после Пушкина. О Пушкине прекрасно сказал Горький: «Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется временем и личными, унаследованными качествами — все дворянское, все временное — это не наше, это чуждо и не нужно нам. Но именно тогда, когда мы откинем все это в сторону, — именно тогда перед нами и встанет великий русский народный поэт».

5

В круг своих размышлений о народе, о народном благе, о народном будущем Пушкин включал, вслед за родным русским народом, и другие народы.

В этом ряду я считаю необходимым сказать о «Песнях западных славян» Пушкина. Они ценны для нас симпатиями Пушкина к братским славянским народам. Но в песне «Воевода Милош» заключено обобщение, созданное Пушкиным из размышлений о революционном энтузиазме, одушевляющем любое народное восстание — в славянстве, на Западе, в России:

Заедают нас волки-янычары!
 Без вины нам головы режут,
 наших жен обижают, позорят,
 сыновою в неволю забирают..
 ...Старики даже с нами согласны:
 Унимать нас они перестали,—
 Уж и им нестерпимо насилие.

А дальше — мужественный призыв к партизанской войне:

Или вы не мужчины, — старухи?
 Вы бросайте ваши белые дома,
 Уходите в Велійское ущелье, —
 Там гроза готовится на турок...

Здесь напомним, с каким энтузиазмом приветствовал Пушкин греческое восстание, т. е. борьбу греческого народа за национальную свободу, против турок. Возьму только цитату из одного стихотворения 1822 г.; это — венок, возложенный русским поэтом на могилу греческого героя-партизана:

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем,
 Свинец врага в его вонзился грудь.
 Не плачь — не ты ль сама пред первым боем
 Назначила кровавой чести путь?..
 ...Он в сечу ринулся — и падши совершил
 Великое, святое дело.

Глубокое сочувствие, гуманизм, демократизм Пушкина простирались и на другие народности мира.

Горячие строки посвятил Пушкин в статье «Джон Теннер» (1836)

защите американских негров и индейцев. Пушкин обличает буржуазное американское общество в «отвратительном цинизме, жестоких предрас-судках, нестерпимом тиранстве», с каким оно создает «рабство негров посреди образованности и свободы». Пушкин резко осуждает «отноше-ние Штатов к индейским племенам, древним владельцам земли»; это — «явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского кон-гресса».

Как высокую черту мысли и сердца Пушкина следует признать отсутствие у него национальной исключительности, замкнутости, огра-ниченности. Для нас незабвенна та высокая мечта, какую питал Пушкин и какую живем и мы ныне, мечта

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Эта благородная черта сказалась и на его отношении к братским народам страны. Путешествия поэта по Кавказу, Крыму, Украине, Бес-сарабии, Оренбургскому краю, личные встречи с деятелями националь-ных культур, изучение и изображение природы, национального быта, исторического прошлого братских народов, их характеров, интерес к их фольклору и современной поэзии, — все это было у нас издавна предме-том научного изучения. Мы гордимся этой светлой страницей в полити-ческой и творческой биографии Пушкина. И все народы Советского Союза с горячей любовью чтут память великого писателя. Вожди со-ветского народа высоко оценивают творчество А. С. Пушкина. Он был любимым поэтом В. И. Ленина. И. В. Сталин 6 ноября 1941 г., говоря о людях, являющихся гордостью великой русской нации, называл имя Пушкина рядом с именами Белинского, Толстого, Плеханова. Пушкин-ский юбилей является беспримерным и знаменательным торжеством. Только в стране победившего социализма, в стране, живущей под солнцем Сталинской конституции, в стране, где впервые в мировой истории разрешен национальный вопрос, — возможно такое ликующее всенародное празднество.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9